

ВАРШАВА ПРАЗДНУЕТ!

ЖИВУ я на очень многолюдной центральной улице. У нас тут всегда шумно. Но вчера накануне праздника Возрождения Польши, в этом районе было особенно многолюдно. На двух площадях и на Краковском Предместье сошлись традиционные предпраздничные гуляния.

Можно представить себе, какую бурю звуков поднимали два оркестра, наигрывающие вихревые польские танцы! Это было, несомненно, соревнование, так как музыканты прилагали все усилия, чтобы вызвать у варшавян наибольший отклик, сорвать побольше аплодисментов...

Праздник Возрождения начался, собственно, вчера вечером. Во всех учреждениях, институтах, на заводах, фабриках Варшавы состоялись торжественные заседания. Отличившимся варшавянам вручали ордена, грамоты и другие награды. Это были наиболее торжественные минуты: ведь на сей раз мы отмечаем не «обычную» годовщину народной Польши, а 15-летие существования свободного, суверенного Польского государства.

Особую окраску торжествам придавал тот факт, что в Польше находилась делегация наших братьев и сестер — посланцев великого советского народа, возглавляемые Н. С. Хрущевым. Я еще раз хочу подчеркнуть здесь, что тов. Хрущев всегда покорила сердца поляков, которые видели его и слышали в эти памятные дни.

Хочется отметить его речь в Жешуве. Все собравшиеся на Жешувском аэродроме бурно реагировали почти на каждое его слово. Как вам должно быть известно, именно там впервые оказался нарушенным «протокольный порядок визита»: должен был выступить только один Никита Сергеевич. Однако, закончив свою речь, тов. Хрущев пригласил Владислава Гомулку к микрофону и, как своего лучшего друга, попросил также выступить перед собравшимися. Улыбаясь, тов. Гомулка сначала заявил, что это не предусмотрено «протоколом», так как не положено пребывать дорогого гостя. Тогда Хрущев, обратившись к собравшимся, громко воскликнул:

— Друзья! Как вы полагаете — должен выступить перед вами тов. Гомулка?

Многочисленная толпа дружно ответила: — Разумеется!

И Владиславу Гомулке, «в нарушение установленного дипломатического протокола», пришлось выступить. Конечно же, к обоим людям удовлетворению всех собравшихся и наших дорогих гостей.

Однако вернемся к описанию самого праздника. На трассе демонстрации скопились неисчислимые толпы людей. Погода была весьма благоприятной: не жарко, но достаточно тепло, солнечно, ясно, — словом, такая, чтобы все могли насладиться зрелищем праздника. Я ходил в толпе, собравшейся на Маршаловской, у Дворца культуры и науки. На всем протяжении магистраль была украшена портретами руководителей революционного рабочего движения Польши. Напротив главной трибуны — огромные портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Рядом, на руинах большого здания, разрушенного во время Варшавского восстания в конце 1944 г. и специально оставленного в таком виде, не было никаких украшений. Но во всю его ширину тянулась огромная — белая на черном фоне — надпись: «Мы больше не хотим войны!»

И если бы вы поговорили с ними, то убедились: варшавяне весьма сожалели, что советские гости, и особенно Н. С. Хрущев, так скоро уезжают домой. А как хотелось бы, чтобы они погостили подольше!

Зигмунд БРОНЯРЕК,
польский публицист

ВАРШАВА, 22 июля. (По телефону)

Имени капитана Шандурова

1944 ГОД. В кровопролитных боях, пядь за пядью, освобождая Советская Армия оккупированные фашистами захваченные земли. Настал день извещения и для жителей польского местечка Гибы.

Капитан И. К. Шандуров

Трудно налаживалась жизнь в разрушенном, опустошенном селении. Новой народной власти энергично помогал военный командант капитан Иван Константинович Шандуров. К нему обращались за советом, с ним делились заботами и сомнениями. Он был для жителей Гибы близким и дорогим другом.

Приближалось 1 сентября — день начала учебного года. Здание школы было сожжено. Не хватало учебных пособий, книг, тетрадей. И никто, конечно, не предполагал, что в том же году дети смогут нормально начать занятия.

Но капитан Шандуров подыскал в селении лучшее помещение, где-то добыл строительные материалы, выделил команду бойцов для ремонта. Нелегко было достать книги, тетради, ручки, карандаши. Шандуров получил и это — помогали работники политотдела армии.

...День 1 сентября 1944 года был настоящим праздником в селении Гибы. На торжественное открытие школы собрались и ученики, и их родители, и даже те, у кого не было детей. Польские крестьяне от всего сердца благодарили советского офицера за его заботу, за добрые дела.

Спустя несколько дней Шандуров простился с Гибами и вновь принял командование своей батареей. А через некоторое время в селении разнесся скорбный слух, что Иван Константинович погиб в боях за освобождение польского города Суwalkи.

...Минуло 15 лет. Похорошили, отстроились Гибы. Ушли в прошлое тяжелые переживания военных лет. Но в памяти польских крестьян сохранился образ советского воина-друга. И когда выстроили новое здание школы, жители решили назвать ее именем Ивана Шандурова, а на торжестве открытия, которое предстало 1 сентября 1959 года, пригласить жену и сына погибшего советского офицера.

Найти через столько лет семью Ивана Константиновича оказалось делом нелегким. По просьбе польских крестьян многие советские организации включились в эти поиски. При этом выяснилось, что Шандуров не погиб в 1944 году. Он мужественно воевал; вместе со своей батареей прошел большой и трудный путь к победе. В 1946 году Иван Константинович демобилизовался из рядов Советской Армии и вернулся к семье в Саратов, где работал инженером по технике безопасности. В 1953 году он скоропостижно скончался. Жена его Мария Ивановна Вехова-Шандурова и сейчас живет в Саратове, она — ассистент кафедры детских болезней Саратовского медицинского института. Вырос и стал инженером-конструктором сын Шандурова Виктор.

Мария Ивановна и Виктор Иванович с радостью встретили приглашение польских друзей.

И. БАЗАРОВА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 91 (4057)

Четверг, 23 июля 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Судья — народ

Сайфи КУДАШ

БОЛЕЗНЬ помешала мне участвовать в работе Третьего съезда писателей. Я получал газетные отчеты, читал стенограммы, невольно вспоминая заседание Второго, Первого писательского съезда, когда моложе был я, моложе были наши литераторы. На трибуне — Горький. Мы напряженно вслушиваемся, ловим его слова. Он говорит негромко, не торопясь, глуховатым голосом: «Измерение роста писателей — дело читателя!»

То было время, когда появились первые читатели. Мы гордились им — ни у одной литературы не было такого основного читателя.

Но вот минуло четверть века. Литература стала сложнее, интереснее, читатель стал проницательнее, требовательнее. В отношении к молодым советским литераторам гордость за первые ее достижения сменялась у нас тревожной заботой о совершенстве. Это хорошая тревога. Ведь и гордость за нашего нового читателя дополняется сейчас думой о том, что читатель вырос и должен расти дальше — и не только количественно...

Меня вызвали слова Никиты Сергеевича Хрущева о читателе и народе. Бывают книги скучные, неинтересные, заметил Н. С. Хрущев. «Автор скажет, что виноват читатель, а читатель говорит — писатель. Кто судья? Судья — народ!»

Очень верно сказано: судья — народ! Я вспоминаю башкирскую деревню начала века. В нашем ауле жил один мужичок. На физическом работе сил ему не хватало. Но ставил это человек на всю округу своим острым языком. Помню, выходя он на мари и весело предупреждал: «Сила — вапа, слово — наме!»

Недавно в моей родной деревне колхозники сообща строили баню. И я, разумеется, пошел с ними, но первое, что они сказали мне: «Нитие домой, Сайфи-агай, ваши голы не для такой работы. У вас есть дело не менее важное — ваше «слово». И тут я вспомнил тот самого мужичонку... «Сила — вапа, слово — наме!»

Пятьдесят лет прошло с той поры. Человек умер, его крылатые выражения помнят до сих пор. А человек этот, кстати скажем, и читателем-то не был! Наш будущий читатель тогда еще и читать не умел, еще не было у него и грошей на книгу, да и книга была далеко, в городе, за много верст.

Это из них богачи выпили кровь, это их ветер колебал легко, злые выгои секут — «Хлеба!» — Я их узнаю, мира безвестных творцов, Чей благороден, велик неумирающий труд!

Такого читателя видел перед собой Мажит Гафури, мой учитель. Нищий и темный народ — как мало было тогда в нем, огромном, читателем! — и тогда открывал нам бездну мудрости, волшебную силу родного языка.

Писатель подобен лодке. Порожнюю лодку волны сбивают с пути, груженная лодка идет уверенно и прямо. Писатель должен быть полон дум о своем народе, тогда его книги не будут легковесны.

Лев Толстой мечтал о том времени, когда центрием искусства будет не отдель-

ный класс богатых людей, а весь народ. Стремился найти путь к сердцу самого простого читателя — крестьянина, И. Толстой, между прочим, признавался: «Я избегаю слово для народа, потому что сущность мысли в том, чтобы не было деления народа и не народа». Великий писатель горюл сию мечту. Да, в то время это могло быть только мечтой — народ единый, сплоченный, поднявшийся до уровня активного, культурного читателя.

Мечта осуществлялась в наше время. У нас, в Башкирии, когда хотят подчеркнуть культурный скачок народа за последние десятилетия, обычно вспоминают Глеба Успенского, его дорожные записки, — картины безлюдных, не тронутых человеком привольных мест от Оренбурга до Уфы, и печальный рефрен: «Пропалет башкир, пропалет!» И потом — поразительные цифры нашего сегодня: тысячи школ, тысячи башкир-учеников, писателей, врачей, педагогов, инженеров... Мы были свидетелями этого чуда. Как жадны были наши первые советские читатели, взрослые, умудренные житейским опытом люди, открывшие для себя грамоту!

Они читали запоем, все подряд, словно торопясь наверстать упущенное. Крестьяне являлись ко мне в дом (это было в двадцатые годы, я заведовал тогда школой в своем селе), требовали: «Давай книги! Сам нас разбереди — теперь давай!» Моя библиотека очень быстро оказалась зачитанной впрок, тогда я отдал крестьянам свою рукопись еще не изданной книги народных сказок. Прочитали мужики эту рукопись вслух, похвалили и — вот неожиданности первых шагов культурной революции — пустились на курьез: думали, что только печатное слово свято. Тогда я сильно расстроился, накричал на них. Теперь, на склоне лет, когда много вновь оцениваю в своей жизни, я вспоминаю уже не то, как пришлось восстанавливать рукописи, а другое: этих людей, простых, неустовых книголюбов. Великое дело: народ становился читателем!

Но ведь и с тех пор тоже прошли десятилетия — трудные и слабые. Давайте подумаем о сегодняшнем народе, о сегодняшнем читателе. Тогда, в двадцатые годы, молодой наш читатель всему был рад, все ему нравилось, все он воспринимал как открытие. Сегодня?

Не так давно разговаривали мы в нашем селе с директором школы — человеком лет тридцати. Речь зашла об одном башкирском романе, написанном добрым десятком лет назад и в общем-то популярном. Мой собеседник соштался: да, это один из первых романов о нефтяниках, да, все, как в жизни, да, мысли верные... А потом посмотрел в глаза и сказал: «А легковат все-таки роман! Страниц много, а материала для раздумья мало».

Что же получается? Роман покупали, читали, хвалили. Иные рабочие-нефтяники даже благодарны автору. А директор школы, человек с высшим образованием и, наверное, с более развитым вкусом, видит в этом романе недостаток: он хочет большего, лучшего. Я

спрашиваю себя: на кого же равняться писателю? На того, кому книга еще нравится, или на того, который ею умеет не удовлетворен? И пусть я рискую встретить возражения, скажу прямо: давайте равняться на второго!

Откровенно сказать — из наших читателей далеко не каждый еще стоит на той вершине художественного вкуса, на какую исторически поднялся сейчас народ. Иной раз можно услышать, как зубные техники просят: пишите о зубных техниках, парикмахеры жуют книги о парикмахерах, а колхозники жалуются: мало пишете о тружениках такой-то области. Как будто есть литература, определенная по профессиям! Конечно, мнения эти — следствие того, что пишем мы мало и слабо, но мнения-то эти неверны. Можно всю жизнь писать только про шоферов. Но писать надо так, чтобы педагогу было интересно читать про шоферов, чтобы старику было интересно читать про любовь, чтобы колхозник искал хорошую книгу — не обязательно о людях своей области...

И убежден, что сегодняшний рабочий, если литературный вкус его стоит на уровне нашего времени, скорее переучит «Тихий Дон», чем дочитает до конца скороспелую поделку о людях своей профессии. Давайте же равняться именно на этого, самого развитого и перерезового читателя!

Очень часто последнее время слышится в писательской среде и даже читается в газетах спасительная формула: «Книготорг виноват!» Жалуются и на маленькие тиражи, и на мелкое пространство книги... Конечно, в торговле книгами есть недостатки. Хорошо, когда писатель обеспокоен этим. Но когда из всего того, что творится не доходит до потребителя, он обеспокоен только о своих сочинениях, — то это, на мой взгляд, необъективно. Я думаю, как бы далеко ни находилась книга и как бы мало ни было экземпляров в продаже, — если книга хороша, о ней узнают, ее найдут, будут брать в библиотеках по записке, ее изпод земли достанут, — а прочтут. И лично для меня — лучше маленький тираж на полках книжников, чем большой тираж на полках буккинистов. Не будем же обижаться на Книготорг — давайте просто писать лучше.

И давайте ориентироваться на строгого и немалого судью нашего — на народ! Отдельный читатель может и ошибиться, но иной раз может простить нам книгу правильную, но серую. Но народ не простит. Читатель многорукий, подчас повержен настроению. Народ неизменно справедлив в своем суде над искусством. Народ — не арифметическая сумма читателей. Народ создает спутника, выживает теневое, творит искусство.

Великий Тукай говорил: «Народ велик, могуч, бодр и богат песнями, он писателя, он поэт!» Будем же равняться на наш народ. Хорошо сказано: виноват бывает писатель, виноват бывает читатель, но судья один — народ!

Уфа

На фестиваль, в Вену

РЕПОРТАЖ С КИЕВСКОГО ВОКЗАЛА

НЕ ТАК УЖ давно на Киевском вокзале в Москве бывает столь шумно и весело, как вчера, когда провозили два поезда, увозящих советскую делегацию на Седьмой Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Вене. От одиннадцати до половины второго дня (поезда отправлялись не одновременно) Киевский вокзал пел и танцевал.

Дети разных народов. Мы мечтаю о мире живем... — поют в одном месте. Кажется, что где-то уже слышал и эти звонкие голоса, и эти частушки. Ну, конечно же! Ведь это — преставленные Воронежский народный хор. Академический любительский хор студентов Уральского государственного университета, ансамбль народного танца трудовых резервов Свердловска, Уральский народный хор, певцы, танцовщики, спортсмены — все смешалось на расцветном флаге перроне.

В шестом вагоне едут солисты Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова Нинель Петрова и Борис Брегадзе.

— Что вы покажете на фестивале? — задаем им вопрос. — Я исполню Седьмой вальс Шопена и несколько других танцев, — говорит заслуженная артистка РСФСР Нинель Петрова.

— А в моем репертуаре, — говорит народный артист республики Борис Брегадзе, — фрагменты из балета «Ягнне», вальсы Штрауса и Шостаковича.

А вот вместе держатся скрипачки Мария Яблонская и Светлана Ашинезер, альтистка Елена Горбатова и виолончелистка Галина Доорова. Они и выступать будут вместе — квинтетом. В их репертуаре произведения Гайдна, Шуберта.

В стороне стоит группа молодых уже людей. Это врачи. Их четверо на делегации. Не много ли?

— Видите ли, у нас, к счастью, пока никто на здоровье не жалется, — улыбаются наши собеседники. — Но вот на прошлом фестивале было немало слушателей, когда гости из-за рубежа обращались за помощью к медикам. Неизвестно, как будет в Вене. Во всяком случае, если потребуются, не только членам нашей, но и других делегаций.

Спортсмены... Их сто двадцать человек. Среди них почти нет никого из тех, кто участвовал в прошлом фестивале. Например, баскетболисты — это команда завода «Серп и молот», футболисты — команда Харьковского тракторного завода.

...Провожающие расходятся, оглядываются на опустевший перрон. Там на голубом полотнище выведены слова, которые сейчас в сердце у каждого: «Неделям больших успехов на фестивале».

В. КАМАНН

Фото А. Липина

Хозяйка Медной горы

вазу на столе, сам бери оттуда сладу — и все.

А рассказали мы об этом потому, что глубоко убеждены: по скатерти в рядовой столовой, где над входом нет неоновых вывески, можно судить о целом городе.

КАЖДЫЙ, кто хоть раз побывал в шахте, прекрасно знаком с той простой истиной, что под землей работать тяжело, да простят нас авторы многочисленных романов, рассказов и очерков о шахтерах. Даже устройство, сходное по назначению с привычным в стене вашей комнаты выключателем, — дусатель, которым подают напряжение на мотор лебедки, насоса или другой машины, — заключено здесь в чуткий защитный кожух и весит несколько десятков килограммов. И чтобы перенести его на новое место, а в шахте это приходится делать постоянно, ибо само рабочее место в угле или руде здесь непрерывно сдвигается, — нужно позвать к себе выключатель...

Потому нам было особенно интересно узнать, как же выглядит все это на Детярском руднике. Ведь инженеры зовут его «головным предприятием по автоматизации». Помните, как Хозяйка Медной горы повела Степана осматривать свои владения? «Копанты больше под землей стали, а стены у них разные. То все зеленые, то желтые с золотыми крапинками. На которых опять цветы медные... Одним словом, изумружено, что и сказать нельзя». Прямо то же увидели под землей и мы.

Штреки Детярского рудника, не в пример многим другим шахтам, на самом деле (а не по торжественному кинофильму) чисты и просторны. Руководители рудника заботятся не только о стволых.

Идем по подземному коридору, над головой поблескивают «цветы» — протупающие в породе скопления кристаллов медного колчедана. Вместе с нами идет по штреку инженер из технического отдела Станислав Алешин. Сзади нарастает звонкий гул приближающегося состава. Оглядываемся — сияющая фара электровоза уже недалеко. А в нескольких шагах перед нами — металлические створки вентиляционных дверей, которыми перегорожен подземный коридор.

Электровоз, чуть лягая на стьках, не сбавляя хода, несется прямо к дверям. Что это? Двери, хотя машинист не

произносит заклинания наподобие «се-зая, открылся!», распахиваются и пропуская состав. Зеленый огонь световой створки сменяется красным. Железные створки снова закрываются.

Это маленький датчик, прикрепленный к рельсу в десятке метров от двери, сделал свое дело гораздо увереннее и прочнее, чем человек, дежуривший здесь раньше каждую смену.

Потом мы видели, как руда сыплется на подземном погрузочном пункте из люка в вагонетку. Стальной затвор раскрывался, когда пустая вагонетка оказывалась под ним, и снова смыкался, когда медная руда заполняла ее до краев.

Были мы и в подземной диспетчерской, где дежурный Галимзян Мансуров работает не в шахтерской спецовке, а в светлой рубашке с галстуком. Как в салоне «ТУ-104» можно забыть, что находишься в воздухе, так и здесь забываешь о подземелье. Вот пульт-табло с разноцветными огоньками указателей, блестящими циферблатами приборов и экраном телевизора впереди. Скоро диспетчер будет не только разговаривать по высокочастотному телефону с любым участком, даже с машинистом катящегося по дальнему штреку электровоза, но и сможет видеть все, что происходит в шахте...

Видели зал подземной насосной, затертый на замок, — все управление водоотливом, оберегающим шахту от затопления, взяла на себя автоматика... Были в здании подземной машины, в котором машинист не сидит за рукоятками управления, а разгуливает по залу, установленному вагонами с цветными. Непрерывно раздаются напоминающие о кастанетах щелканье контакторов. По заданному «расписанию» машина, которой никто не управляет, выдает из шахты в бункер все новые и новые тонны руды...

И ввиду, где мы останавливались в работающей «без хозяина» механизации, инженер Алешин кратко комментировал: — Раньше здесь двое работали вручную. Или: — Раньше здесь были заняты три человека в смену...

ИНЖЕНЕРЫ Детярского рудника подсчитали, что автоматизация позволила перевести с подземных работ на поверхность примерно сто человек. И еще — что автоматизация

экономит предприятию примерно миллион рублей в год. И — наверное, это самое главное — она изменила самый характер труда десятков и сотен людей. Приблизил этот труд — гажельный труд под землей — к творчеству командира машин и приборов.

Средний заработок рабочего до начала «эры автоматизации на Детярке» — 975 рублей, теперь — 1375. Положительное было непонятно, что имеет в виду наш полупочин в автобусе на Свердловска, когда говорил о Детярском руднике: — Хороший-то он, конечно, хороший, но...

ПОНАТНЕЕ стало на следующий день, когда, снова спустившись в шахту, мы пошли туда, где руда добывается, — в забой. Где оглушающий пулеметный треск перфораторов. Где отбитую взрывчаткой породу, содержащую медь, скрепер — железный огромный скрепер — таскает волоком по неровной подошве тесного подземного коридора. Где забивают между глыбами блестящей породы стойки крепи, орудуя топором и кувалдой.

Наум Ефремович Ниденбаум, главный энергетик Детярского рудника, отвечая на наш вопрос о трудностях автоматизации, сказал примерно так: — Первая — кабель. Вторая — еще раз кабель. Третья — переделки...

...Можно придумать великолепные электрические схемы, которые самым хитроумным способом, без вмешательства человека, будут управлять машинами. Можно сконструировать датчики, реле, электронные приборы и аппараты. Можно, наконец, эти аппараты и приборы изготовить или приобрести.

Но как никому не нужен паровоз без рельсов, так бессмысленна аппаратура автоматизации, если нет электрического кабеля. А кабель не поступает на Детярский рудник вот уже полгода.

И здесь же в Детярке, нам показали комплект аппаратуры для автоматизации и диспетчеризации подземного транспорта рудника. Он лежит на складе.

всему месту? дырки, чтоб приладить аппаратуру. Как у нас говорят — «модернизация».

Вот в подземном депо одной из шахт стоит электровоз. На нем блестящая табличка: «Пермский совнархоз. Александровский машиностроительный завод. 1958 год».

Но чтобы эту машину оснастить автоматикой, электромеханику нужно точно так же сверлить в ней дыры, как и в машине, сделанной пять лет назад. Время идет, схемы автоматички совершенствуются, но завод, поставивший машины для подземного транспорта, не вносит в них никаких изменений, работает все по тем же прежним чертежам. Во что это обходится государству?

И сколько средств было бы сэкономлено, если бы машины, поступающие сегодня на шахты, — электровозы далеко не самая дорогая и сложная из них, — были уже подготовлены для автоматизации! Если бы они не подвергались «модернизации» под землей, а еще с завода равнялись бы на автоматизацию...

Хочется, чтобы шахтеры на рудниках получили, наконец, давно обещанные им конструкторами и машиностроителями машины для работы в забое. Те машины, которые максимально облегчат самую тяжелую и сегодня еще самую немеханизированную работу под землей. Работу человека, первым отделяющего от спрятанного в недрах рудного массива тяжелые глыбы, из которых плавят металл.

Нужна самоходная каретка, чтоб бурйльщик не должен был таскать пуловый перфоратор от одной скважины к другой. Нужна современная погрузочная машина, которая за один рейс убрала бы всю взорванную породу, да так, чтоб «края» — последние две-три тонны камня — не надо было перекидывать лопатой. Нужна машина для монтажа индустриальной крепи, чтобы не приходилось подирать плечом тяжеленные стойки, заколачивать между ними клинья топором...

Тогда автоматика станет безраздельной хозяйкой Медной горы — Детярского рудника. Она поможет наполнить хорошей технической радостью — еще зачастую не легкой труд шахтера. Тогда — это должно произойти в ближайшем семилетие — другой Сергей Черенков скажет «спасибо» ее создателям и не захочет уйти с рудника.

В. РИЧ

М. ЧЕРНЕНКО

СВЕРДЛОВСК—ДЕТЯРСК—МОСКВА

«Нужны ли общие курсы по истории литературы? — спрашивает Н. К. Гуздыш («Литературная газета» от 11 июня 1959 г.). Профессор Н. Берковский отвечает: нужны, и очень нужны.»

Общие курсы нужны

Общие курсы по истории литературы были и останутся одним из достижений советской высшей школы. Они связаны с тем, что для нас высоко стоит авторитет истории, что мы верим в историческую науку.

В Западной Европе, в Америке на общие курсы смотрят свысока... они им не даются. Общие курсы, общие книги по истории литературы у них отсутствуют. В лучшем случае — это справочники, в которых материал расположен в хронологическом порядке, не в самом удобном, — алфавитным лучше.

Наша литературная наука опирается на марксизм, для нее жизнь общества — закономерный процесс, через жизнь общества мы можем и умеем раскрыть закономерный характер и литературного развития, будет ли речь вести об отдельных странах и об отдельных эпохах или же о целых культурных многонациональных мирах, таких, как античность или же европейское средневековье, например. Мы мало ценим достижения нашей историко-литературной науки. Но ведь она дает картину литературного развития, указывает место в ней отдельных явлений, объясняет их, связывает их друг с другом. Из буржуазной науки выпали объяснения, она указывает на факты, не зная, откуда и зачем эти факты.

Общие курсы — отличительная особенность и гордость нашего вузовского преподавания, они — демонстрация силы нашей исторической науки вообще, они — победа марксизма. Не беда, если не весь материал общего курса знаком студентам через собственное их чтение. Есть такие явления в мировой литературе, с которыми с глазу на глаз встречается только узкий специалист, но о которых тем не менее всякий литератор должен что-то знать. Нельзя не иметь представления о европейском средневековом романе, а читать его собственными глазами доступно только немногим. Общий курс и ставит себе задачей связать вооедино и то, что известно слушателям из собственного их читательского опыта, и то, что не известно. Он ликвидировать белые пятна на карте истории литературы, пусть не до конца, но как-то он это делает.

Нет никаких оснований противопоставлять общие курсы специальным или же семинарам. Обе стороны нужны друг другу. Общий курс — большой маршрут, семинар — остановка, углубление в отдельную местность, но при этом нужно же знать, на каких больших путях находится эта местность. Общий курс есть та сверхконцепция, без которой каждое монографическое изучение теряет законченность и внутреннее оправдание. Тут содержится довод и против соображений, по которым общий курс — это работа вширь, а специальный — вглубь. Нет, общий курс с его общими идеями — это всегда экономика, отбор материала, который раскрывается вширь и распадается, если обрывается концепция снита и больше их не держат.

Не дает выхода и такое решение, при котором общие курсы с кафедр не читаются, но только сдаются по учебнику. Это несущественно приносило бы значительные общие курсы в глаза студентов. Нет никаких оснований именно общие курсы делать немymi. Говорят: в специальных курсах дают студентам новое, еще не опубликованное, в общих — все известно. Это неверно: и в общих курсах можно и должно преподавать новое. Если дело в публикации, то зачем тогда горюпиться: подождем год-другой, и новый специальный курс будет напечатан, и незачем его тогда предварительно излагать устно. Тут задаются общие вопросы значения устного слова в вузе. Думаем, оно велико. Вещи, о которых мы слышим из чьих-то уст, более реальны для нас, чем вещи, о которых мы знаем только по печатному: мысль, изложенная с кафедры, сильнее, действеннее для нас, чем мысль, познанная через книгу. Общение с лектором создает более реальное, живое понимание и литературы, и науки.

Общий курс — связанная, ведущаяся в больших масштабах пропаганда нашего мировоззрения, нашей методологии, наших общетеоретических идей, приложений к материалу истории литературы. Конечно, все это по-своему имеет место и в курсах специальных. Но кто же враг им? А преимущество общих курсов в том, что такого рода пропаганда и демонстрация ведется здесь широко, очень резкими линиями, выходящая свою силу и свои возможности в наиболее полном виде. Общие курсы нужны и студентам, и самим ученым. Лучше частоболье для нашего ученого — выработать свой собственный оригинальный общий курс. Смолоду он начинает грубым черновиком такого курса, и все его работы специального характера помогают ему совершенствовать этот курс. Потребности вуза имеют огромное значение для развития науки.

Пока у нас в почете общие курсы, в силе остается в нашей науке стимул к синтезу, к большому обобщению. Иначе и к нам привнесется опасность распада науки о литературе на мелочи и детали, как это происходит в Западной Европе, где нынче проповедуется в отношении к литературе принципиальный антиинтерим, где так много говорят о назревшей ноге бы потребности отменить историю литературы как таковую и поставить на ее место другие виды литературных изучений: интерпретации отдельных текстов, ничем не связанных друг с другом, толкуемых внеисторически, с точки зрения произвольных вку-

сов и случайных философских симпатий их истолкователей. Это течение разрастается, но существует и обратное, и тут мы видим, как значительно влияние наших синтезирующих идей, нашей обобщающей мысли на тех ученых Запада, которые хотели бы сказать новое слово. Поучительно, что и сам Н. К. Гуздыш, по-видимому скептически относящийся к общим курсам, именно через общий курс — древнерусской литературы — приобрел почетную известность и в Европе, и в Америке. По части общих построений, прокладки больших магистралей через историю литературы, русской и зарубежных, мы немало сделали, но это работа и задача — бесконечная, и нам следует не прекращать ее, а вести дальше с новой энергией и с новой тщательностью. Общие курсы являются фоном, теорией для более специальных курсов в занятиях, и в этом своем качестве они заслуживают самой деятельной поддержки. Общие курсы — отправная точка для специальных занятий, и они же последняя цель для них. Изученное, изложенное в этих частных занятиях, в конце концов должно найти свое место на тех пространствах, которые впервые были очерчены в общих курсах. Мы должны создавать ценную, связанную, единую историю литературы русской, зарубежных, и вместе взятых, и в отдельных странах, и в этом виде преподавать нашу науку живой аудитории.

Профессор Н. БЕРКОВСКИЙ ЛЕНИНГРАД

Дело для разума

«Дело для души» — так называлась статья А. Свободина о народных университетах культуры, опубликованная в «Литературной газете» от 16 июня. Украинский писатель Петро Панч полемизирует с некоторыми положениями автора.

Наш Киевский народный университет культуры построен по типу учебного заведения с общеобразовательной программой. Он возглавляется советом из представителей общественных, профсоюзных и комсомольских организаций. Основные наши принципы — обучение бесплатное, поступление добровольное, посещение обязательное. А для этого нужен учет посещаемости слушателей и удостоверения для них — те самые «справки», против которых возражает А. Свободин в своей статье «Дело для души» («Литературная газета» от 16 июня).

Вряд ли можно согласиться с утверждением А. Свободина, что сходство университета культуры с «настоящим учебным заведением» — это плохо, потому что «учебных заведений и так кругом достаточно». По-моему, нужно стараться всячески приближать университеты культуры к учебным заведениям, но с иной, разумеется, манерой преподавания.

Практика первого полугодия показывает, что аудитория бывает довольно лекцией, проведенной в виде беседы с богатыми иллюстрациями. У нас читали лекцию «Как слушать и понимать музыку», одновременно выступали артисты филармонии — пианисты, скрипки, вокалисты. Пришедшим на лекцию «О вулках, манере и культуре поведения молодежи» были продемонстрированы хорошо, красиво сшитые костюмы. Здесь же посетители увидели безвкусные, почти что карикатурные туалеты. Редактор сатирического журнала «Перец» прочитал лекцию о сатире, а писатели, авторы журнала, читали свои произведения.

Выработать для университетов культуры какую-то общую программу нельзя, да и нет необходимости. В этом А. Свободин прав. Вот, например, в Киеве, кроме центрального, открылись также университеты культуры при Политтехническом институте — с техническим уклоном и при консерватории — с музыкальным уклоном. А в программе народного универ-

ситета в селе Иванковцы, Черниговской области, только три цикла — общеобразовательный, агрономия и зоотехника.

Сейчас все чаще раздаются голоса с требованием факультетного принципа. Так работает Львовский городской университет, где четыре факультета — театральный, музыкальный, изобразительных искусств и хореографический. Конечно, нельзя забывать: задача университетов состоит в том, чтобы поднять общий уровень культуры строителей коммунизма, а вовсе не в том, чтобы переэкзаменовывать их слушателей. Для этого есть театральные, художественные институты и консерватории. Поэтому мы думаем, что в работу таких университетов жизнь еще внесет поправки.

В ПЕНОСБАХ новых форм совет Киевского университета культуры пришел к выводу, что необходимая часть работы — «веселый отдых». За час перед началом занятий в фойе лучшего в городе Октябрьского дворца культуры играет музыка, организуются танцы, пение, игры. Это — «для души», польза выражена А. Свободиной, но после звонка начинается уже дело для разума. Здесь вступают в свои права дисциплина и труд.

Как молодое растение требует тщательного ухода, так и зародившиеся университеты культуры требуют неустанного внимания и заботы. А. Свободин предостерегает нас от перехода «тонкой, но точной границы» в сторону настоящего учебного заведения. Конечно, шаблон сразу же уберет живое дело. Но если наши общественные организации, в особенности творческие, такие, как союзы писателей, художников и композиторов, будут предвзятеть эту опасность? Чем тогда будет плох «образовательный» пафос работы университетов культуры?

Я очень надеюсь, что в организации и работе народных университетов писатели, художники, артисты будут играть не последнюю скрипку.

Петро ПАНЧ КИЕВ

422 фотографии...

ПОСЕТИТЕЛИ фотостанции, открывшейся вчера в залах Государственного музея Л. Н. Толстого, увидели коллекцию редких снимков, широко раскрывающих жизнь великого писателя.

Выставку открыл старший внук писателя Сергей Сергеевич Толстой, доцент Института международных отношений. На открытии присутствовал также и внук писателя Владимир Ильич Толстой, агроном колхоза «Октябрь» Московской области.

Здесь экспонирована незначительная часть нашего фонда, — пояснили работники музея. — Из семидесяти с лишним тысяч фотографий, хранящихся у нас, лишь четыреста двадцать две собраны в залах выставки.

Каждая из показанных вчера фотографий имеет свою историю, представляет интерес для всех, кто любит, изучает творчество Л. Н. Толстого. Вот снимок, так удививший его автору — литератору П. Сергееву. Снежный солнечный день. Ушедший в свои думы, быстро шагает по аллею Лев Николаевич. Под фотографией замечательные слова А. М. Горького: «Хорош он был, когда, шаркая подошвами, как бы властно сглаживая неровность пути... шел к вам мальким, легким и скорым шагом человека, привыкшего много ходить по земле».

О том, как Толстой умел дружить с разными людьми, находить общее с крестьянами, рабочими, детьми, рассказывают снимки... Вот Лев Николаевич на заводе Косая Гора. О страшном труде рабочих завода он написал гневные строки. Вот открытие народной библиотеки в Ясной Поляне — здесь много ребятишек, улыбающихся Толстому; грустные проводы Н. Гусева, личного секретаря писателя, арестованного жандармами; Толстой рассказывает детям сказку, играет в шахматы, слушает музыку, беседует с крестьянами, разбирает почту...

Много здесь малоизвестных фотографий, где Лев Николаевич снят в кругу писателей, деятелей искусства, науки.

Вслед за фотовыставкой работники музея готовят большую экспозицию, посвященную работе Л. Н. Толстого над рукописями своих произведений. Снимок, который мы воспроизводим, сделан в последний год жизни Л. Н. Толстого В. Г. Чертовым.

ОН ЧЕЛОВЕК со странностями. Небольшими. Любит проснуться на заре под звуки фокстрота. Среди зеленого леса тоскует без музыки. И желательно ему, чтобы была она как можно громче. Оставшись без ночлега, утешается созерцанием пейзажной живописи. Отправляясь в короткую поездку (одна ночь в пути), записался приторачивает к портфелю жестяную кружку. Оказавшись на палубе парохода, норовит выйти на люди в нижнем белье.

Небольшие странности? Пожалуй, они смахивают на приемы идюта. Впрочем, зачем так резко? Здесь описан всего лишь человек, путешествующий по делам службы или личным надобностям, каземом он порою видится тем, кто призван его обслуживать.

...Пассажирский поезд Москва — Курск находится в пути недолго. На стенке одного из вагонов висит инструкция, которая предусматривает, сколько часов из этого времени поездной радиоузел обязан вещать! Программа составлена напряженная. Чтобы выполнить ее за короткий рейс, пассажира, который вошел в вагон без двадцати пяти двенадцати ночи, получил постель и улегся в первом часу, будучи часиков в семь бодрой музыкой. Дома ведь встал бы в это время? Значит, и здесь нечего залеживаться. Тем более пассажир — он это любит:

...Пассажирский поезд Москва — Курск находится в пути недолго. На стенке одного из вагонов висит инструкция, которая предусматривает, сколько часов из этого времени поездной радиоузел обязан вещать! Программа составлена напряженная. Чтобы выполнить ее за короткий рейс, пассажира, который вошел в вагон без двадцати пяти двенадцати ночи, получил постель и улегся в первом часу, будучи часиков в семь бодрой музыкой. Дома ведь встал бы в это время? Значит, и здесь нечего залеживаться. Тем более пассажир — он это любит: встать не как-нибудь, а организованно и под музыку. Но почему же фокстрот? А по инструкции! Если «радиоволны не проходят», сказано в ней, радиостанция должна транслировать пластинки, чтобы, боже упаси, не оставить пассажиров без звукового обслуживания.

Пассажиры любят не только послушать с утра музыку, но и позавтракать. Эта его странность тоже вполне учтена. Милая девушка из ресторана, что на станции Скуратово, пробегает на заре по вагону:

— Кофе! Кофе! Горячее кофе! — Налейте, пожалуйста, все равно уже не сплю.

— Сколько вам? — с готовностью спрашивает милая девушка. — Только учтите — кофе у нас отпущены в свою тару.

На станции Скуратово уже дошла блаженная весть, что поить всех подряд из одной посуды нехорошо, а про такое завоевание современности, как бумажные стаканчики, здесь еще не слышали. Да и зачем она! Кофе не известно, что командировочный человек со странностями отправляется в дальний путь, но Орла или Курск, берет с собой кружку; выдать, любит выпить свой утренний кофе по-охотничьи! Главное ведь что? Чтобы в вагоне была музыка!

Проснувшись нынче зимой пассажиры в скором поезде, который шел из Москвы в Ленинград, поглядели в окно, а там не Малая Вишера, а станция Сходня — простояли всю ночь километры в тридцати от Москвы. Чрезвычайное происшествие. Печально, но случается. Зато радиоузел оказался на высоте. Он не стал объяснять пассажирам, почему произошла задержка и когда придут они к месту назначения, — не положено! Зато веселился воюю, передавая зажигательные пластинки: пассажир — он такой, любит опаздывать под музыку; дай послушать что-нибудь веселенькое, хлебом не корми. Кстати, и не кормили: музыку обеспечили, а что людям, нежданно-негаданно просидевшим в поезде без малого сутки, нужно поесть, — не подумали.

...Вы сворачиваете с шоссе на грунтовую дорогу. Она ведет на маленький аэродром, с которого самолеты улетают в короткий рейс из Москвы до Касимова. Пролетел, как в сказке, расхотелся на три пути. Указателя или хотя бы придорожного былинного камня нет. Но зачем указатель? Как радиомаяк для пассажиров, гремит над аэродромом растрепанный, извергая уже не музыку, а что-то уш-

радиозадающее. Ежайте на этот рейс и не ошибетесь. Видать, и здесь знают: пассажир любит сидеть в самолете не как-нибудь, а под радиоволны. Птицы — те не любят и стараются в этом лесу не жить...

— А пусть их улетают, — равнодушно вопит аэродромное начальство, стараясь переключить рупор, — хватит им места в лесу. Какой же аэродром без музыки?!
Зато на другой лесной опушке — покой и тишина. Опущена заключена в тяжелую раму и висит за спиной администратора гостиницы «Московская», что в Ленинграде. Входит человек со странностями в гостиницу, читает выставленную в окошке администратора скрижалу, на которой золотыми буквами начертано: «Свободны номера и мест нет», — и не расстраивается. Другой бы расстроился, а он — нет. А почему? А потому, что администрация знает, что нужно усталому путнику для отдыха: лесная опушка — работы невредимой кисти. Не в наем: мол, почуйте в лесу, — а в эстетическое утешение. Прелесть! Любит, проведя почку на стуле, полюбуйтесь чьим-нибудь зданием, высокохудожественным...

Ну, а при чем здесь нижнее белье? Оно сюда как приплетено? Очень просто. Странности путника учтены и речниками. На видном месте повешены они на пародах правая. Утверждены в 1947 году. С тех пор и висят. В рамках. Под стеклом.

Впервые я увидел их лет семь назад в коридоре красавца теплохода, сохранившего рейс Ростов — Москва. Прочитал. Протер глаза: «Быть не может! Наваждение!» Но и нынче снова встретил их на борту парохода «Лев Толстой», который плывет по Оке. «Значит, тогда не примерещилось!» А записан в этих правилах такой пункт: «Пассажирам... запрещается находиться в салонах, столовых, коридорах и террасах в нательном белье». Запрещается. Какая жалость! А мы с приятелем только что собрались прогуляться по палубе в сиреневых невзрачных. Известно ведь — пассажиры. Они эти любят!

Администрация крупнейших ленинградских гостиниц тоже слышала о странностях людей путешественных и печатно вызывает к ним на многих языках мира, что вводить в номера жилых («эконом», как написано в переводе на один из языков) и включать нагревательные приборы («отопительные устройства») как написано в переводе на другой) запрещается. Зачем дождаться, пока появится кто-нибудь один с борной на повиде и электрической духовкой за спиной, и сказать ему в индивидуальном порядке: это не полагается. Лучше предупредить всех сразу и навсегда. Предупреждают же гостеприимные речники своих пассажиров, что в умывальниках нельзя стирать белье, что в них не следует выливать помой, и не считают это за обиду, равно как и пункт об исподнем.

Когда я писал эти строки, парход причаливал к пристани Спасск. Дул сильный ветер — «отвалный», как его называют речники. Кто-то зазавался на причале, кто-то прошляпал на вахте, и мы ушли на середину реки, откатывая вместе с собой пристань.
Сходня, соединяющая ее с земной твердью, летят в воду. Испуганный гражданин прыгает с пристани, неожиданно отплывающей по направлению к Москве, на берег, полагая, что спасает себя и запертого в мешок поросенка. Прыгает и не допрыгивает. Его извлекают из воды. Словом, неприятное происшествие, к счастью, скоро ликвидированное.

Вот тут бы и прозвучать голосу по радио:

— Спокойно, граждане! Не топчите около трапа! Не спешите! Сейчас все будет в порядке!

Но радиоузел делает свое привычное дело: оглашает реку веселеньким маршем. В унисон с визгом барахтающегося на водах поросенка. Пассажиры — они это обожают, чтобы все, что случается, случилось под музыку...

Сергей ЛЬВОВ

«КРИСЧЕН САЙЕНС МОНИТОР» ЗАСТУПАЕТСЯ...

НЕДАВНО в «Литературной газете» я писал о своеобразных учебных заведениях, действующих в США и на территории Западной Германии. Эти заведения выпускают псов — злобных, рычащих, натасканных в «науку» бросаться на людей и запустить клики им в горло. Обучаются в этих школах не овчарки или бульдоги, а так сказать, люди. «Так сказать» — потому, что называют людей подопытных рода человеческого, проходящих здесь курс наук под руководством американских «педагогов», можно лишь условно.

Учебная программа весьма насыщена: тут и техника убийств из-за угла, и отравление колодезей, и взрыв мостов, и организация крушений железнодорожных составов, и сбор шпионской информации, и ведение подрывной работы среди населения. Рассказывая на страницах «Литературной газеты» об этих «школах злых собак» — десятом американском специальном соединении, известном также под именем «Бранденбургского», я напомнил «педагогам»: «У нас есть опыт обращения со злыми собаками: им надевают намордники, сажают на цепь, а самых бешеных безжалостно уничтожают».

«Педагоги» оскорбились. «Советский Союз», — обижено пишет «Крисчен сайенс монитор», — называет 10-е соединение бандой диверсантов и убийц. И американская газета тут же разъясняет причину этой черной несправедливости. Разумеется, это поспуру заветь: «Советский Союз, конечно, не может организовать аналогичную операцию с какой-либо надеждой на успех в районе Северного атлантического союза». И вот в досаде благородных просветителей, и на их тихих учеников. А в действительности, 10-е соединение, являвшееся «Крисчен сайенс монитор», «сле-

дует отличать от диверсантов и шпионов».

Попробуем справиться с одолевающей нас задачей и поучиться объективности у «Крисчен сайенс монитора».

Вот как сама газета определяет функции бойцов «10-го соединения». Эта группа должна проникать глубоко за линию противника. «Там она должна будет организовать, вооружить и подготовить недовольных к партизанской войне... Они (бойцы) должны уметь быстро устанавливать контакты с дружественными элементами среди населения... Группа должна тесно сотрудничать с разведкой США и других стран для установления этих контактов за границей... Не исключена возможность, что в некоторых случаях им будет предложено выполнить стратегические задачи, например взорвать вражеские сооружения атомными взрывчатыми веществами».

Что же в таком случае отличает «10-е соединение» от диверсантов и шпионов? Оказывается, одно отличие все же имеется, и Пентагон придает ему немаловажное значение: «Поскольку члены этой группы одеты в военную форму, если их поймут, с ними должны будут обращаться, как с обычными военнопленными в соответствии с Женевской конвенцией».

Хитро придумано! Значит, если злодей, пускаящий под окос поезд с женщинами и детьми и взрывающий атомными взрывчатыми веществами электростанцию, не передет колхозником, а открыто носит мундир американской армии, он перестает быть убийцей? Напрасно молодчиков из «Бранденбургских подразделений», которых готовят для тайной подрывной работы, успокаивают ссылками на Женевскую конвенцию. Международное право, как известно, не берет под защиту шпионов и диверсантов. Женевская конвенция не дает санкции нарушать элементарные принципы человечности.

Пусть учащиеся «школ злых собак» делают соответствующие выводы!

Михаил МАТУСОВСКИЙ

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Спор не окончен...

И. КОЗЛОВ

НЫНЕШНИЙ литературный год обещает быть богатым произведениями о великом военном подвиге советского народа. В журналах частично или полностью опубликованы романы и повести К. Симонова «Живые и мертвые», Ю. Бондарева «Последние залпы», Г. Бакланова «Пядь земли». Ряд оригинальных произведений о войне выпустили Воениздат и другие книжные издательства.

Но богатство это не только количественное. Год обещает новое и в развитии самой темы. Правда, не все здесь совершается в порядке поступательного движения, да и вряд ли возможно, чтобы каждое произведение являло собой сплошные принципиальные успехи и удачи. Но знаменательно уже отчетливое стремление ряда авторов обогатить нашу большую литературу о войне новым качеством, изобразить войну и ее героев по-новому.

Я намеренно подчеркиваю: «большую», ибо, как это ни странно, но еще можно услышать достаточно прозрачные намеки, что настоящей литературы о войне мы якобы еще не создали по причине того, что «мало было работы о художественном многообразии» и что только сейчас, когда «вновь заговорили об изображении войны такой, какой она представлялась солдатам», стали появляться произведения настоящей военной прозы.

Это прозвучало в недавней статье Л. Лаазарова «Пядь нашей земли» («Литературная газета» от 18 июня), в которой автор, зная заранее подлинно талантливую, но в ряде спорных новизн новизна Г. Бакланова «Пядь земли», «забыл» о таких, например, своеобразных произведениях о войне, как «Молодая гвардия», «Народ бессмертен», «Непокоренные», «Белая береза», «Звезда», «Спутники», «Волоколамское шоссе», «Знаменосцы», «Повесть о настоящем человеке», «Ночь полководца» и многие другие.

Что же нового в показе войны встречаем мы в произведениях 1959 года?

и мертвые», первая часть которого напечатана в журнале «Знамя» (№ 4). Обычно не принято оценивать произведения о его полной публикации, но в данном случае есть основания отступить от этой традиции. Основные устремления заявлены в романе довольно отчетливо, они, по всей вероятности, не будут претерпевать принципиальные качественные изменения, а получат идейное и художественное развитие в определенном направлении. Именно эти устремления, а не оценка произведения в целом, будут составлять предмет разговора.

В последние два-три года, в силу известных обстоятельств, много велось дебатов о том, что начальный период войны, и прежде всего 1941 год, нашей литературой отражен не столь трагично и многотрудно, каким он был на самом деле, и даже в лучших произведениях о войне не вскрыта по-настоящему, моя правда действительности.

Бессспорно, даже в таком мужественном романе, как «Белая береза» М. Бубеннова, пожалуй, лучшим произведением о днях отступления наших войск, даже в такой честной пьесе, как «Фронт» А. Корнейчука, раскрыта далеко не вся правда о первом периоде войны, — она была более жестокой, горькой и кровавой. И долг нашей литературы — рассказать об этом трагическом периоде так, как это было, ничего не утаивая и не приукрашивая.

Но ведь были не одни только неудачи и поражения. Это лишь часть правды, и не главная, хотя и очень существенная. Вся правда — глубокая, большая, партийная — в том, что несмотря на нашу обидно недостаточную подготовленность к войне, на огромные и, казалось, невосполнимые потери, на позорное появление в нашей среде маюверов, панкеров и прямых изменников, — несмотря на все это, мы продолжали бороться, обретали умение, кристаллизовали мужество и через поражение шли не к краху, а к победе!

Только с позиций коммунистической партийности, целеустремленности мо-

жет быть правдой о войне, в том числе и о трагическом годе, 1941-м; только в таком произведении можно углубить реалистическое изображение военной действительности, а следовательно, и сделать новый шаг в идейном и художественном развитии темы.

Роман К. Симонова «Живые и мертвые» обещает стать интересным именно в этом плане. В нем изображаются первые дни гитлеровского вторжения и тяжелое положение наших войск в результате внезапного удара врага. События даются в масштабе фронта, точнее, отдельных его участков. Широа охвата событий для произведения такого рода является непременным условием.

Сколько бы ни утверждали иные критики, что для понимания войны масштабы изображаемого не обязательны, что в одном опыте можно увидеть и узнать столько же, сколько на плацдарме армий, фронта и более широким плащдарм, битый может не играть решающего значения для изображения психологии солдата. Да и это положение следует высказывать с рядом оговорок, ибо психология, мысли, настроения бойца, изолированного в своем окопе, не ведаящего, что происходит на участке поля и дивизии, совсем не те, что у бойца, хорошо знающего, как воюет все соединение. И уж никак нельзя понять, а тем более — объяснить ход войны без пока за ее в большем масштабе, особенно на таком сложном и трудном этапе, как первый этап.

Надо полагать, что в последующем писатель еще больше расширит плацдарм действий своих героев, приведет нас в крупные штабы, возможно, даже в Ставку Верховного Главнокомандования, в тыл. Во всяком случае, такое расширение пойдет на пользу решению основного замысла романа.

В выборе участков изображения, в способе фиксации внимания на событиях — ярко выраженная тенденция. Она вполне согласуется с характером произведения, в котором мысль, смелая, интуитивная, занимает большое место. Порой она даже опережает образ, обобщает его от него, — вероятно, в авторе сильно заявляют о себе привычки и навыки журналиста. Но мысль эта сама по себе настолько значительна, так захватывает наше внимание, что и подобное изображение признаешь не за недостаток

художественности, а за особенность произведения, хотя это, конечно, недостаток, который становится заметнее, когда к тексту возвращаешься, поостыв от непосредственности первого восприятия.

Шаг за шагом К. Симонов показывает, как мы, при всей как будто готовности ответить на удар врага сокрушительным ударом, встали войну на его территории, оказались не подготовленными достаточно к войне, застигнутыми врасплох; сразу же обнаружилась нехватка оружия, наши самолеты по ма неврности, скорости, силе огня уступали немецким, наши командные кадры в известной части оказались слабыми. Сколько тут подлинно горькой и обидной для советского человека правды!

Обнажая трагедию неудач, порой заостряя их изображение, писатель вместе с тем стремится найти ответ, почему они стали возможными. Эта проблема глубоко волнует автора, она пронизывает собой многие эпизоды романа. И это весьма существенно, ибо слабой стороной многих произведений советской литературы, показывающих те или иные серьезные недостатки в жизни нашего общества, является отсутствие в них умного и верного генетического исследования причин этих недостатков, обнажения их корней, обстоятельств, в которых они возникают и входят для себя пищу. А именно эта сторона чрезвычайно важна для искусства, ибо, как известно, цель всякого познания, в том числе и посредством художественного образа, — вооружение человека для дальнейшего преобразования жизни.

Если К. Симонов во всем повествовании сумеет не только ярко показать, как было, но и в равной мере ответить на вопрос, почему так случилось, сделать утверждение победы главным фокусом романа, — произведение станет подлинной удачей писателя.

В ПОВЕСТИ Г. Бакланова «Пядь земли» («Новый мир», 1959 г., № 5, 6) не ставится столь широкая, как в романе К. Симонова, задача — раскрыть еще не раскрытые глубокие и сложные стороны военной действительности. Попытка углубить реалистическое изображение войны выявилась здесь в другом — в исключительном пристальном, предельно заостренном внимании к человеку в бою, его психологии, чувствам, поведению.

Письмо Г. Бакланова чрезвычайно обаятельное, порой даже кричащее. Он

У АНДРЕЯ УПИТА

ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ жизненный и творческий путь большого мастера советской литературы, народного писателя Латвии Андрея Упита, можно одним словом — борьба. Более полувека истории латвийской литературы тесно связано с его именем, и все это время писатель находился на передовых позициях борьбы за реализм, за высокую идейность искусства. И хотя Упиту исполнился 81 год, он по-прежнему полон сил, творческой энергии, боевого полемического зора.

Мы в квартире Андрея Мартыновича. Все здесь скромно, все подчинено главному — труду. Из-за стола нам навстречу встает писатель — высокий и прямой. Годы не согнули его, и он напоминает райновскую сосну, из тех, что не гнутся и служат символом упорства, борьбы и победы. Независимо Андрей Мартынович перенес тяжелую болезнь, на время потеряв трудоспособность. Но воля в жизни победила — сейчас здоровье писателя улучшилось, и, хотя врачи запрещают ему работать, Андрей Мартынович систематически пишет — по одной странице в день, заполняя ее своим каллиграфическим мелким и острым почерком, известным каждому латвийскому школьнику по учебникам и хрестоматиям.

О чем эти страницы — не секрет ли это? Нет, Упит охотно делится своими творческими планами. Сейчас он создает капитальный труд по истории латвийской литературы. История литературы никогда не была для него делом академическим, оторванным от действительности, всегда служила орудием борьбы. Недаром во времена фашистской диктатуры выдвигались из «Истории мировой литературы» главы, написанные Андреем Упитом о латвийской литературе. После освобождения Латвии от оккупантов писатель организовал в Латвийском государственном университете кафедру латвийской литературы и сам читает студентам курс лекций, впервые с марксистских позиций освещая культуру родного народа. Замысел нового труда по истории латвийской литературы (плано по счету из написанных А. Упитом) нов и смел — показать на примере Латвии, как буржуазный класс со своей литературой сходит с исторической арены.

И в новой своей книге Андрей Упит не отказывается от борьбы, от полемики. Будет введены поставлены многие проблемы, — например проблема освоения литературного наследия.

— В этой области у нас допускаются серьезные ошибки, — говорит Андрей Мартынович. — Не хватает критического подхода, принципиальности. Вот поэт Фриц Барда написал несколько хороших детских стихотворений. В основной же части своего творчества он, пассивный романтик, мистик и богослов, в политическом отношении был чрезвычайно бесприципным. Противник реализма, неоднократно выступал против революционной тенденции в литературе. А некоторые поэты, плохо разбираясь в его творчестве и в истории нашей литературы, начинают сейчас восхвалять Барду, превозносят его до небес. Неправильна и типичная поэтика нашего

столешия книжкой, со своим голосом... — Молодых писателей у нас слишком захваливают, слишком с ними нячатся. — продолжает Упит. — А это ведет к тому, что те начинают работать кое-как, становятся нетребовательными к себе. Вот талантливый драматург Гунар Приде вдруг заявляет, что за семь лет написал пять пьес. Как может писатель ругаться: напишет ли он пять пьес или не напишет ни одной? Ведь книгу нельзя писать иначе, как по внутренней необходимости, зная, что ты не можешь ее не написать. И публиковать ее можно лишь в том случае, если уверен, что замысел твой нашел верное воплощение.

В слухах Упита много резкости, но это вызвано горячей любовью к литературе. Вспоминаю, как при предыдущей встрече Андрей Мартынович искренне сожалел, что некоторые его товарищи по перу болезненно восприняли критику их произведений в книге «Вопросы социалистического реализма в литературе».

Упит — не сторонник «облигавовой», осторожной критики. Он привык пользоваться острым критическим оружием и считает, что это приносит больше пользы, чем лицемерное захваливание друг друга. Поэтому он не удовлетворен состоянием нашей литературной критики.

— Что у себя дома, в Латвии, писатели часто делают комплименты друг другу, это еще можно понять, — говорит он, — но, к сожалению, всевозможная критика тоже оставляет желать лучшего. Вот журнал «Вопросы литературы» — как он сух и академичен! Нет у него ясной линии в принципиальных вопросах. От центрального критического органа мы, писатели, имеем право много требовать.

Его волнуют судьбы всей советской литературы.

— Я часто размышляю о том: почему некоторые писатели, написавшие в свое время хорошие книги, не сделали значительного шага вперед в своем творчестве? Конечно, не только в этом дело, но порой мне кажется, что кое-кто, привыкнув к спокойной жизни, обрастая жильем, теряет непосредственное восприятие действительности. Так и с некоторыми молодыми: издают первую слабую книжку стихов, получают похвалу — и сам рад и невеста рада. Вместо того чтобы работать дальше, он уже мечтает об отпуске.

Легко понять недовольство писателя своею жизнью, работой, не обладающей, Самоуспокоенность, похивание на лаврах — понятия, чуждые Андрею Упиту.

Разговор заходит о сегодняшнем дне нашей литературы, о молодых писателях. Упит отнесется к ним добродушно, но требовательно.

— Много талантливых людей, но вот кругозор у них еще очень узок. Мало читают, мало работают над собой. Вот посмотрите, — он берет со стола несколько маленьких книжечек в цветных переплетках, — это все сборники стихов молодых поэтов. Формат олимпийский, да и внутри их тоже трудно отличить друг от друга. А стоило бы поработать над этими крохотными книжками! Пусть работает, покорит, почитает мастерство — и тогда уж выйдет с нас

фильм о своей поездке — двести пятьдесят метров пленки, его спросили, как он думает назвать свою картину. — Я уже назвал, — ответил он, — движущаяся записная книжка.

Такие «движущиеся блокноты», как у Леонида Леонова, автора фильма об Индии, появились у многих писателей. В магазине «Кинолюбитель» на Ленинском проспекте можно часто встретить Евгения Пермяка, заснявшего веселую и, как утверждает автор, обличительную новеллу «Писатели на отдыхе». Снимают много Н. Гринберга, А. Васильева, Л. Славина, В. Немцова, Ю. Черурина, А. Яшина, В. Коженина. Кинолента Михаила Матушевского была удостоена диплома на всесоюзном смотре любительских фильмов.

Какой огромно и интересно наше время! — говорит Андрей Мартынович. — Какие дела совершаются в науке! А такое событие мирового значения, как распад колониальной системы империализма! А грандиозные перемены в нашей стране! Все это ждет своего отражения в литературе. Жизнь обгоняет нас, мы успеваем лишь бежать за ней вдогонку, а ведь наша задача — опережать ее, вести вперед. Когда об этом подумаешь, руки сами тянутся к перу и хочется писать, писать, писать. Маль что сил уже не так много, как в молодости.

Прощаясь, Андрей Мартынович встает во весь свой высокий рост, седой но с юношеским блеском в глазах. — один из правдолюбивых нашей литературы, неутомимый и стойкий боец передовой линии.

Листки из киноблокнота

ЭТО БЫЛИ очень красивые строки о незнакомой стране, о жизни большого народа. Шумные улицы столицы были так же пестры и красочны, как одежда людей. Звенели молоточки чеканников серебра; резчики слововой кости — тонкие художники; шумно рекламировал свои изделия; волшебник-факир доставал из бездонных карманов веселые разноцветные платки... Советский писатель старался ничего не пропустить, но он ничего не записывал. За все время пребывания в Индии он почти ни разу не вынул блокнота из кармана. Снимал, снимал маленькую любительскую кинокамерой на узкую цветную пленку. Кадры были его строками. Когда писатель вернулся домой и показал друзья-

Г. Бакланов с явными излияниями пользуется ремарковскими приемами натуралистического изображения войны, много пишет о человеческом страхе, об ужасах боя. «Белое с размытыми глазами лицо» убитого, расквашенного на черной воде; попявший под вражеский арналет пехотинец — «до пояса он весь целый, а ниже — черное и кровь, и ботинки с обмотками», «нога в салого», торчащая «из стены песка»; кровь, на которую «уже липнут мухи», — все это обильно разбросано по страницам повести.

Но дело не сводится просто к излияштвам. Картины ужасов, смертей подчас как бы обособляются от генеральной задачи писателя — показав стойкость советского человека — и превращаются в самоцель.

Однако и при всем этом нельзя говорить о повести, как о «сплошном Ремарке». Л. Лазарев справедливо ответил на ее переводчике упреки в тождественности их людям потерянного поколения. На заднеостровском плацдарме, отбитом от врага, где разрываются жестокие бои за пядь нашей земли, живут и воюют люди советские.

И все же героям повести «Пядь земли» даже ее самому положительному и высокому характеру — лейтенанту Мотовилову, не хватает чего-то весьма существенного, чтобы сравняться с лучшими героями нашей литературы о войне, хотя, по логике жизни, они не только могли, но и должны были быть в один с ними ряд. А это значит, что дань «ремаркизму» — волю или неволю — у Г. Бакланова большая, чем только следование отдельным приемам изображения.

Впрочем, не обязательно «ремаркизм», это может быть и свое. Уж слишком односторонне показывает автор героя, уж очень много в советском человеке — именно в советском — остается — именно в внимании писателя, за пределами — в мир больших мыслей открыт. Выход в мир больших мыслей открыт, да и то с ограничениями, лишь для Мотовилова. Почти недоступна эта область Бабину, Маклецову, Рите, даже Николаю, которому, казалось бы, свойственна мечтательность, может быть, не всегда трезвая, но, бесспорно, романтическая. Или всех их так «обезмыслила» кровавая проза войны?

Я разделяю мнение, что, исследуя произведение, критика обязана считать с замыслом писателя, оценивать результат художественного ремесла с учетом замысла. Но сам замысел в этом случае должен быть непременно

выявлен действительностью. Иначе неизбежны ограничения взгляда, жонглирование по замкнутому кругу и даже самый большой грех — отступление от правды жизни. Так вот: действительно ли внутренний мир советского человека на войне, пути на последнем ее этапе, был столь узким? Нет. Он вмещал в себя думы о Родине, о народе, о партии, о Москве, о стратегии войны, о грядущей победе и о многом другом, о чем тогда думать — и не мог не думать! — каждый солдат, и все это незримо, но прочно связывало его с народом, становилось тем морально-политическим фактором, который и лежал в основе боевой стойкости воина и определял его общественную активность.

Л. Лазарев утверждает: «И пядь земли, которую описывает Г. Бакланов, оказывается достаточно просторной, чтобы советский характер проявил себя здесь широко, полно и многосторонне».

Так ли это? «Широкое, а особенно «многостороннее» советский характер в повести себя как раз и не проявляет. Писатель не создает для этого необходимых условий.

Дело не в том, что подразделение на плацдарме оторвано от больших воинских масс. В плане намерения автора рассмотреть как можно пристальнее душу человека в бою пядь земли, в самом деле, достаточно просторна. Это дело в том, что рассматривание это ведется подчеркнуто односторонне, что мысли многих человек или почти целиком возвращаются вокруг одного: фашист меня убьет или я его убью.

Нельзя не напомнить, что требования изображать богатство духовного мира советского человека не есть простая традиция нашей литературы, своего рода сила инерции. Это необходимо условие, без которого невозможно реалистическое изображение человека вне его общественной активности.

И хотя и нет ничего неожиданного, авторский призыв тут, однако, налицо. Мотовилов — честный, храбрый, энергичный офицер, каким мы его знали до этого случая, — не должен был спастись при первой же неудаче. Правда характера, правда жизни оказалась явно поправной.

Повесть «Пядь земли», безусловно, талантлива. Тем решительнее надо сказать о заблуждениях и просчетах ее автора, чтобы в совокупности с тем хорошим, что действительно есть в произведении, не выдать и эти заблуждения и просчеты за углубление реалистического изображения войны.

словно бы говорит: вот настоящая война, такой я ее увидел в дни своей молодости и такой хочу показать ее всем. Она беспредельно жестока, страшна, кровава. Она не прощает ни одной человеческой слабости, ни одной нашей оплошности, никакого малодушия. И человек на войне жил и чувствовал не так, как об этом говорят многие произведения наших писателей, а будничнее, проще. Его не занимали «высокие материи», все, что он делал, делал потому, что не мог не делать. Он хотел остаться в живых и бороться за жизнь изо всех сил. Ел суп из термоса только что убитого подносчика пищи; случалось, что рядом лежали трупы с вывалившимися внутренностями, и от этого нисколько не тошнило...

Подобным изображением войны повесть породила диаметрально противоположные мнения. Один из этих полюсов формулируется примерно так: «Сказано — наконец-то! — новое слово о войне, раскрыта глубокая правда жизни»; другой: «Нет здесь никакой, тем более глубокой, правды, а есть лишь «сплошное Ремарке» с его романом времени первой мировой войны — «На Западном фронте без перемен».

Сопоставление этих мнений, пожалуй, еще раз подтверждает, насколько бывает подчас не на пользу истине, а во вред ей излишняя заостренность спора, сплошная апологетика или сплошное отрицание. В повести Г. Бакланова немало хорошего, умного, искреннего и честного, и вместе с тем в ней немало заблуждений и просчетов, породивших серьезные недостатки, и судить о произведении надо объективно, трезво, с учетом всех его сторон.

Наибольшее достоинство повести «Пядь земли» заключается в показе войны как самою трудного и жестокого дела человека, требующего воистину железной стойкости, выносливости, самопожертвования. Картины рисованы зримо, с множеством тонких и точных деталей, доносящих до нас оптический цвет и запах времени, его глубокий драматизм. Повесть талантлива по большому счету.

Но спор о повести вызывается не тем трезвым реализмом, который составляет ее основу, а совсем другим — авторской тенденцией в показе войны и человека, когда достоинства изображения переходят уже в свои недостатки. Тут есть что возразить и автору, и защитникам его заблуждений. И без разговоров о «ремаркизме», видимо, не обойтись.

Р. ТРОФИМОВ

РИГА

Андрей Мартынович Упит

ВОЗДУХ

Ох, какой нынче воздух
В предгрозье,
В предгрозе!
И на ложах лучей
Туч лиловые гроздьи,
И прозрачность такая
Застыла на миг,
Будто это не воздух,
А горный родник.
...Подмосковная тишь
Распахнула ворота.
На холме дерюшка
Встречает кого-то.
Луговые цветы,
Луговая трава,
И молчит Человек,
Обрелся слова.

Воздух!
Как без тебя жил бы этот прохожий,
Рос бы этот цветок, на ребенка
похожий?

Луговые цветы,
Луговая трава,
Предъявите природные ваши права,
Чтоб звучали слова, на дыханье
похожи.

Чтобы воздух не корчился в агонии
дрожи.

Луговые цветы,
Луговая трава,
Предъявите законные ваши права!

Я ХОЧУ ПИСАТЬ О ЛЮБВИ

Я хочу писать о любви.
Я не могу писать о любви.
Моя планета,
Моя голубая планета,
Хочу утопить в крови,
Я не могу писать о любви!

Я хочу писать о небе ночном,
О раскрывающем тайны небе...
Ночью в диам,
Ночью в диам
Оно грозит моим братьям огнем,
Я не могу писать о нем.
Я хочу писать о твоих глазах,
О самых прекрасных,
О самых веселых,
Но чьи-то глаза в безнадежных
слезах.

Оспрогнеше, ядвонь,
Я не могу писать о твоих глазах.

Я хочу писать о весенних цветах,
О тех цветах, что ты мне дарил.
Я не могу писать о цветах,
Я вижу их у солдатских могил,
Я не могу писать о цветах,
Которые ты мне дарил.

Я хочу писать о своем сыне,
О своих материнских мечтах,
Но чей-то сын в окне стынет,
И чью-то мать наситает страх.
Я не могу писать о своем сыне,
О своих материнских мечтах.

РЕПЛИКИ

«С ПОМОЩЬЮ И ПРИ АКТИВНОМ УЧАСТИИ...»

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что вы раскряки «Курс общей терапии», предназначенный для медицинских вузов, и прочли там следующие:

«Ясную клиническую картину последней стадии туберкулезного процесса раскрывает музыкальная партия Виолетты в последнем акте оперы Верди «Травиата»...

«О большой потере крови при сильных травмах в области черепа свидетельствует картина Репина «Иван Грозный и сын его Иван»...

«Генезис (зарождение) злокачественных опухолей можно легко проследить в спектакле Московского театра имени Вахтангова «Егор Булычов и другие». Характерно, что больной сам чувствует связь своего заболевания с загрязнением улиц современного города канцерогенными веществами. Об этом свидетельствует подробное и объяснение причины постигнутого его несчастья».

— Не на той я улице живу...»

«Неизбежность летального (смертельного) исхода в ряде патологических случаев наглядно и убедительно показана в картине Левитана «Над вечным покоем».

Мы видим недоверчивую усмешку читателя. Мы слышим недоумеваемое слово:

— Не станете же вы нас уверять, что все это было на самом деле. Нет, не станем. Но нечто очень похожее, к сожалению, было.

Перед нами лежит довольно плотная брошюра. «Вопросы методики преподавания политической экономии» называется она. Выпущена в свет в 1959 году в Саратовском издательстве «Коммунист».

Раскроем ее на странице 32-й и прочтем тезисы доклада К. Ф. Бабайцева и И. А. Герасимова «Использование художественной литературы в курсе «Политическая экономия». Вот что мы пошерстнем из этих тезисов:

«Характеризуя двойственную природу труда в товарно-капиталистическом обществе, обращая внимание студентов, что наемный рабочий безразлично относится к формам затрат своего труда... мы ссылаемся на рассказ Мопса на «Бродягах».

«Разоблачая буржуазные и реформистские теории о возможности уничтожения эксплуатации при сохранении капиталистического способа производства, уместно сослаться на партийный гимн — «Интернационал»:

«С ПОМОЩЬЮ И ПРИ АКТИВНОМ УЧАСТИИ...»

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой;
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой».

«Необходимость высоких темпов индустриализации образно рисует В. Катаев в романе «Время, вперед!»

А вот как трактуется М. Шолохов: «В рассказе «Духомужия» автор метко изображает заинтересованность трудового крестьянства в переходе от единоличного хозяйства к коллективному, особенно с появлением в деревне современных сельскохозяйственных машин».

Тезисами доклада дело не ограничивается. В конце брошюры приложено двенадцать страниц весьма пространной «Рекомендательный список художественной литературы по курсу «Политическая экономия».

И сожаленно, автор списка пожелал остаться неизвестным. Сказано только, что список составлен «с помощью и при активном участии библиотекаря Ю. К. Ивановой». Весь курс политической экономии разбит в этом списке на двадцать девять тем. К каждой теме — два, а то и три десятка художественных произведений. Исключение составляет, пожалуй, только глава «Кругооборот и оборот капитала». К ней удалось подыскать всего только три произведения: Т. Драйзер — «Геней», Э. Ремарк — «Три товарища», М. Уилсон — «Брат мой, враг мой».

Зато к теме «Товарное производство. Товар и деньги» произведений нашлось много. Тут и Бальзак, и Гёте, и Горький, и Золя, и Мопассан, и Пушкин, и Островский, и Шекспир. Повесть также и тема «Капитал и прибавочная стоимость». Сюда попали Амаду, Арагон, Вредель, Келлерман, Курприн, Лондон, Манин-Сибиряк, Норрис, Салтыков-Щедрин, Синклер, Стейнбек...

Как видите, все прямо как в старом фельетоне Ильфа и Петрова. Помните? «Екатерина Вторая — продукт эпохи нарастающего влияния торгового капитала». А здесь король Лир — продукт, и Евгений Онегин — продукт, и отец Горно. Кстати, для Ильфа и Петрова в списке тоже нашлось место. Их романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» значатся рядом с «Золотом» Б. Полевого и «Поднятой целиной» М. Шолохова в рубрике «Товарное производство, закон стоимости и деньги при социализме».

Нет слов, использование художественной литературы при изучении истории или других общественно-политических наук — дело нужное и полезное. Но что, кроме протеста, может вызвать подобный вульгаризаторский подход?

Хорошо, если этот почин саратовских ученых мужей останется без последствий. А если он найдет продолжателей, последователей, поборников? Что тогда?

«С ПОМОЩЬЮ И ПРИ АКТИВНОМ УЧАСТИИ...»

В мире другом, там, вдалеке...
Готовя беду непонятную,
А я хочу в своей руке
Руку держать любимого,
А я хочу по земле обновленной,
По счастливой земле ходить,
Хочу строку, сердцем рожденную,
Земле своей подарить.

Я хочу писать о любви.
Я буду писать о любви.
Моя планета,
Моя голубая планета
Не утопить в крови.
Я буду писать о любви!

ТРАВЫ

Ремати травы на рассвете,
Чуть окропленные росой,
Хотелось мне по травам этим
Пройтись на пылках, босой.
Заря над рощей заела,
Прислушались зыбкин в лесу,
Я эти травы пожалела
И не обидела росу.
Не то, что в детстве, для забавы —
Топтали росы, мяли травы.

Лауреаты государственной республиканской премии

В Литве стало традицией — в годовщину установления Советской власти присуждать республиканские государственные премии за выдающиеся произведения науки и техники, литературы и искусства. В области литературы и искусства в этом году премиями отмечены: роман А. Белулауска «Розы цветут красным цветом», поэзия для детей К. Кубилинскаса; Г. Кураускас — за созданный им образ первого литовского пролетарского поэта Юлиуса Янониса в спектакле «Полоний я неба синеву» и в кинофильме «Юлиус Янонис» режиссер-оператор В. Старошас и сценарист Л. Браслаский за документальные кинофильмы «Они из Наунаса», «На родине», «10 дней в Польше».

Одновременно присуждены премии за выдающиеся достижения в области науки и техники.

Вильнюс. (Наш корр.)

„НАШ ВТОРНИК“

НА ЭТОТ раз гостем «вторника» «Литературной галереи», состоявшегося 21 июля, была самая молодая в стране киностудия «Молдова-Фильм». В зале собрался не только литераторы, но и педагоги, молодые рабочие московских предприятий, студенты. И это не случайно: первый фильм студии, снятый на современную тему, посвящен как раз рабочей молодежи, юношам и девушкам, которые еще вчера сидели за школьными партами, а сегодня пришли в цехи фабрик, на леса новостроек. Они-то и первостепенные звезды — героини фильма «Я вам пишу...».

Несколько лет назад в журнале «Юность» была опубликована повесть Анастасии Алексисна «Записки Эльвиры», которая рассказывала о том, как девушка, воспитанная в тепличных условиях, в мелодичные, задумчивые песни очень украшают фильм, директора картины М. Усольева, режиссера по монтажу Е. Абдиркина и артистов М. Дроздовскую, З. Федорову, Л. Шагалову, сестер Зеленских и В. Прохорова.

Участники «вторника» тепло поблагодарили студию за создание коллектива за создание интересного, по-настоящему актуального фильма.

А потом Молдавская студия показала свой новый документальный фильм «Апостолы без масок». Языком неопровержимых фактов картина остро разоблачает мракобесов-сектантов. Фильм этот — яркий пример лучших пропагандистских возможностей документального жанра в кино.

Пожелаем же молодой киностудии новых творческих успехов.

Кадр из фильма «Я вам пишу...» Главный инженер фабрики Петр Михайлович (артист А. Цинман) берет шефство над молодыми рабочими Петей (артист В. Прохоров) и «рифмованными» сестрами, участницами творческого фестиваля молодежи и студентов (лауреаты Всесоюзного фестиваля молодежи и студентов Заленских).

Л. Проскурова, композитора О. Фельдмана, чьи мелодичные, задумчивые песни очень украшают фильм, директора картины М. Усольева, режиссера по монтажу Е. Абдиркина и артистов М. Дроздовскую, З. Федорову, Л. Шагалову, сестер Зеленских и В. Прохорова.

Участники «вторника» тепло поблагодарили студию за создание коллектива за создание интересного, по-настоящему актуального фильма.

В зале военного трибунала. Во время перерыва Манюс Глезос получил возможность побеседовать с членами своей семьи. Но торжественно. Фото агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл

ПОЗОРНЫЙ ПРИГОВОР

ВОЕННЫЙ суд над Манюсом Глезосом и другими обвиняемыми подошел к концу. Буквально озерев после позорного провала провокационного обвинения в «шпионаже», судилище на Одос Академик принял несмысленное, беспрецедентное решение, превзойдя в своем антидемократическом рвении самого прокурора. Манюс Глезос приговорен к 5 годам тюрьмы, 4 года ссылки и 8 годам поражения в правах.

В Афинах встречался и беседовал с многими коренными жителями столицы. И все старожилы в один голос утверждают, что один из самых позорных процессов на их памяти.

Афинская печать называет нынешний суд «процессом теней». В самом деле, вместо конкретных свидетельств и фактов, с которыми только и может иметь дело суд, членом трибунала, защитником, обвиняемым, представителям общественности, греческой и мировой печати в эти дни показывали некое неясное и неуловимое — фантазии и предположения агентов асфалии.

рога написано асфалией. Это было справедливо вначале. Но затем пьеса пошла совсем не по заточенному тексту. Самые верные антеры, на которых была возложена вина, друг друга растерялись. Боги переменились: обвиняемые стали обвинителями, а «обвинители» остались только защитниками. Не драма, а жалкий фарс! Жители Афин, любящие шутку, весьма удачно характеризуют создавшееся положение греческой послеполуночной, равнозначной русскому выражению: «Пошел по шерсть, а воротился стриженым».

Мировая кампания в защиту Глезоса и других обвиняемых произвела большое впечатление на греческую общественность. «Это большая честь для Греции», — сказал в беседе со мной один греческий политический деятель.

Для всех мыслящих греков ясно, что реакция намеревается использовать нынешний процесс над Манюсом Глезосом, одним из руководителей Единой демократической левой партии (ЭДА), как юридическую базу для начала нового, более широкого наступления на демократические свободы в Греции. Местные журналисты в этой связи вспоминают, что после ареста Глезоса в декабре 1958 года крайне реакционная газета «Апоевматин» предсказывала арест руководителей ЭДА.

Сегодня, когда суд принял позорный для него приговор, местные журналисты с полным правом говорят, что над трибуналом витает призрак диктатора Метаксаса.

Афины, 22 июля. (По телефону) И. ВОЛИН

ХРУСТАЛЬ С БОГАТОЙ РЕЗЬБОЙ, ГРАНЕНОЕ И ЦВЕТНОЕ СТЕКЛО, ПОКРЫТОЕ ЭМАЛЬЮ, СТЕКЛЯННЫЕ ФИГУРКИ, ВЫДУВАЕМЫЕ И ОТЛИВАЕМЫЕ, ЭТО ЛИШЬ ОСНОВНЫЕ КРАСКИ ПЕСТРОЙ ПАЛИТРЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО СТЕКЛА, КОТОРОЕ БУДЕТ ПРЕДСТАВЛЕНО В ЦЕНТРАЛЬНОМ ВЫСТАВОЧНОМ ЗАЛЕ НА МАНЕЖНОЙ ПЛОЩАДИ.

ЧЕХСКОЕ СТЕКЛО В МОСКВЕ ВЫСТАВКА ВАМ ПОНРАВИТСЯ

Посетители выставки увидят, как стекло обрабатывается, увидят его путь от раскаленной печи к стеклодуву, гравировке или шлифовке, ознакомятся с его разнообразными и перспективными видами.

Выставка чехословацкого стекла в Москве — это, собственно, две выставки. Первая — выставка стекла, а вторая, не менее значительная и интересная, — выставка искусства экспонирования.

Организовать интересную выставку стекла — это необычайно трудная задача. Создатели выставки должны были проявить большую изобретательность и решить много проблем. И они решили их — они доказали, что искусство экспонирования сделало у нас огромный шаг вперед и за последние годы обогатилось массой новых оригинальных форм, которые придают выставке живой, наглядный характер. Содержательный сценарий выставки отказывается от безжизненности и неподвижности старого типа и приближается к сцене с движением, светом, звуком, фильмом и танцем, что еще больше подчеркивает выразительность экспонатов. Этой же цели служит художественное решение экспозиции, меняющиеся интерьеры, показ диапозитивов, звуковые, цветные и световые эффекты, пантомима, кино «полиэкранный», совершенный новый метод информирования посетителя, и, конечно, музыка.

Одним из образцов использования новых форм экспонирования является «волшебный интерьер», который показывает, как стекло украшает наш быт, как оно красиво и необходимо. Посетитель выставки видит полностью обставленную комнату, но без одного кусочка стекла. Каждый интерьер уютен, печален. Но вот постепенно начинают гаснуть свет в комнате, потом вновь зажигается, и — о чудо! — посетитель видит ту же комнату, но уже дополненную стеклом. Она и стижный шкаф застеклены, на столе стоит великолепная хрустальная ваза, сверкает хрустальная люстра, кресло обито стеклянным ламинатом, все помещение просто переполнено стеклом. Гаснет свет, и вновь все стекло из интерьера исчезает. Волшебство повторяется.

В зале оптического стекла зрители увидят, как на большом освещенном круге над макетом телескопа выплывают из тумана стеклянные фантастические фигуры. Они кружатся, ослепляют красками и вновь исчезают в тумане. Это таинственная жизнь макрокосмоса. В пестром кругу света над микроскопом будут резвиться

Обработка стекла в художественной школе, находящейся в Йеланово Бродо — одном из центров чехословацкой стекольной промышленности. Фото Индикана Брока (Чехословакия)

Экспонаты из Голонду

С КАНДАЛ разразился внезапно. Уильям Цукман, член сената Гавайских островов, поднялся на трибуну и заявил, что его обворовали.

— Джентльмены, — соробно проговорил сенатор, — в самом начале нынешней сессии парламента у меня из служебного кабинета пропала чудесная пепельница. Я попросил уборщицу принести мне другую. Но она исчезла на следующий же день. Я потребовал вернуть. Ее тоже украла. Тогда я запер новую пепельницу в ящик письменного стола. Кто-то подобрал ключ и... больше я ее не видел. И так каждый раз. Стоило мне получить новую пепельницу, как она тотчас же исчезала при таинственных обстоятельствах...

Цукманю обвел глазами присутствовавших и печально спросил: — Достопочтенные джентльмены, что же это такое?

В зале засиделся воцарился тоскотное молчание. Тишину нарушил зычный голос сенатора Сакаи Такахаши: — А у меня кто-то утащил письменный прибор!

В другом конце зала раздался возглас сенатора Орека Э. Лонга: — Черт подери, а у меня украл председательский молоточек!

Тут поднялся страшный шум. Все повскакали со своих мест. Сенаторы завопили на своем голосом, что их обворовали.

Высший законодательный орган страны принял по этому вопросу важное решение: сменить замки во всех служебных помещениях.

Но что странное дело! Замки сменяли, а кражи продолжались. Число их возросло, и они приняли еще более серьезный характер. Служащие сената и палаты представителей сошлись с ног в поисках виновных, но те были неуловимы.

К концу сессии парламента бесследно исчезли сотни различных предметов в том числе: шесть ковров стоимостью в 2 500 долларов, десять настольных ламп по 19 долларов каждая, шесть электрических вентиляторов, один пылесос, сто три словаря, сто пятьдесят томов официальных изданий общей стоимостью в 8 000 долларов, бесчисленное множество авторучек, ножниц, пепельниц и даже... плевательниц.

Слухи о таинственном расхищении государственного добра стали проникать в печать. Газета «Голонду» выступила с гневной передовой статьей: «Нельзя терпеть воровство». Генеральному прокурору было поручено провести самое тщательное расследование этого загадочного дела.

И вот тут-то начали происходить чудеса! Таинственно исчезнувшие вещи стали не менее таинственно возвращаться. Едва прокуратура приступила к расследованию, как один за другим обнаружилось все шесть ковров. Так, например, выяснилось, что один из них хранился в качестве «сувенира» на квартире председателя финансовой комиссии сената Джона Дюарта.

Как-то утром Эверт У. Афуи, служащий прокуратуры, обнаружил у входа в свой дом кучу вещей, среди которых было восемь настольных ламп и три электрических вентилятора. Видимо, оробевшие воры решили вернуть украденное, чтобы не угодить в руки правосудия. Однако многие из пропавших вещей найти так и не удалось. Гавайская прокуратура официально заявила, что будет продолжать расследование.

Но в это время вице-председатель сената Мацуки Арасиро потерял терпение. — К чему вся эта возня?! — раздраженно воскликнул он. — Если уж говорить всю правду, то вещи похитили сами члены парламента. Понятно, что они старались тащить из себя собственных кабинетов, а из комода своих коллег. А вообще дело выведенного ящика не стоит. Ведь члены всех 29 предшествовавших парламентам поступали точно таким же образом.

И в самом деле, к чему было поднимать такой шум? Газеты Голонду требовали покончить с воровством в предвидении «великого» события! В ближайшем будущем Гавайские острова должны стать 50-м штатом США. Вот почему мол, нужно покончить с «самоуничтожением». Пустая затей! Если на то пошло, американские конгрессмены обделывают куда больше грязные делишки! В сравнении с чудовищной коррупцией в американском Капитолии мелкое воровство среди гавайских парламентариев кажется милой детской шалостью. Право же, напрасно преподают в Голонду местных законодателей. Ведь они только подражают своим американским коллегам, хотя, конечно, не могут угнаться за ними. Но, безусловно, после превращения островов в американский штат гавайские парламентарии быстро начнут у конгрессменов США грабить государственную казну и обирать налогоплательщиков.

М. АЛМАЗОВ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» на сентябрь и последующие месяцы

Подписка принимается городскими и районными отделениями связи и отделениями «СОЮЗПЕЧАТЬ»

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 3 месяца — 15 руб. 60 коп. на 1 месяц — 5 руб. 20 коп.

Виктор НЕКРАСОВ

Посвящается Хемингуэю

В СТАЛИНГРАДЕ, в первом батальоне нашего полка был знаменитый связист. Фамилия его я уже не помню или, вернее, просто не знал, звали же Лёшкой — это помню твердо. Маленький, худенький, с тоненькой детской шейкой, вылезавший из непомерно широкого воротника шинели, он казался совсем ребенком, хотя было ему лет восемь-надевать-девятнадцать, не хвещая. Особую детскость ему придавали нежно-розовый, девичий цвет лица, совершенно непонятно как сохранившийся после многодневного сидения под землей, и глаза живые, выразительные, совсем не взрослые. Знаменит же он был тем, что много читал. Когда бы вы ни пришли на КП батальона, вы всегда могли застать его в своем углу, у аппарата, с подвешенной к голове трубой и глазами, устремленными в книжку. Наверху гудело, стреляло, разлозилось (КП батальона находился в подвале Мясокомбината), а он поджав под себя ногу, листал книгу, время от времени отрываясь от нее, чтоб крикнуть: «Товарищ шестнадцатый, четвертый вызывает!»

ИСПОЛНИЛОСЬ шестьдесят лет со дня рождения известного американского писателя Эрнста Хемингуэя. В связи с этой датой Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Союз писателей СССР и Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы организовали вечер, Председательствовавший на вечере Валентин Катаев представил слово для общения «Эрнст Хемингуэй, его жизнь и творчество» Ивану Кашкину.

«Недавно, — сказал докладчик, — в одном из интервью Хемингуэй заметил, что подражатели скатывают только поверхностные дефекты его манеры, но упускают главное. Слов нет, блестящие мимолетные эксперименты молодого Хемингуэя на пути к мастерству. Без них, может быть, не было бы такого мастера, каким мы его знаем. Но это лишь средства, а в иных руках и в иных условиях зачастую лишь пустопорожние приемы. А что же главное? Это стремление Хемингуэя писать как можно правдивее простую честную прозу о человеке. По собственным словам Хемингуэя, нет ничего труднее этого на свете, поэтому он за это и взялся. Овладев многообразными видами современного художественного оружия, Хемингуэй стремится писать просто о простом. Прямыми, короткими ударами кисти он изображает характеры и действия, дает сжатые, четкие описания обстановки. И в то же время он пишет сложно о сложном, когда ему необходимо проследить глубинные извращения человеческого сознания. Он отнюдь не фотограф, и точность внешнего изображения не стесняет его творческой фантазии. На первых порах Хемингуэй пытался держаться в рамках фоберовской объективности. Разные приемы он пробовал про себя, недоумовал, впополох. Но поистине то, что волнует его как человека, он забывает про всякие шоры. Куда девается напускная сдержанность? Берет верх человек честный, отзывчивый, стремящийся помочь делу. Он говорит полным голосом. Обвиняет и защищает оружием слова, страстно, убедительно, и мы с изумлением видим, как из обидного и него вырастает героическое. У Хемингуэя проза искусства неотделима от правды жизни. Солдат, охотник, садовник, путешественник, спортсмен, он всеяден, стремится писать, как жил, но и жить пытался на уровне тех трудов, какие выдвигал как писатель. Однако его кружок и насчитал его откликов ограничены тем, что он видел своими глазами, и это иной раз приводило его к ошибочным выводам. Западная критика неоднократно объявляла Хемингуэя «певцом смерти и насилия», но этому противостоят многие факты. Во-первых, писать о смерти далеко не всегда значит осуждать ее. И главное: о какой смерти идет речь и о чем насмелился. Глубоко человечески слова Хемингуэя против смерти лучших, которую несет с собой война, полны негодования его слова против насилия, которое несет с собой фашизм».

бомбами сталинградской земле, прислушиваясь к монотонному гулу ночных бомбардировщиков — наш или не наш? — и потом, засыпая в своей жарко топленной землянке, я думал о том, что завтра к семи ноль-ноль нужно сдать схему инженерных сооружений обороны полка, которую, заблывшись, не успел закончить, о том, как тесно на войне переплелось страшное и забавное, веселое и трагичное, думал о Лёшке, возможно, как раз в эту минуту читающем про мадридского шофера Иполито. Не проснувшись, шегоса даже тогда, когда рядом с ним разорвался снаряд, о том, что не будь Лёшки, этот хемингуэевский очерк остался бы для меня только прекрасным написанным очерком, а сейчас стал чем-то значительно большим и нужным.

В шесть часов меня разбудил Титков, мой связной. — надо было заканчивать схему. — А парнишку-то вашего ранило, — подавая мне котелок с кашей, сказал он с тем обгоревым спокойствием, с каким говорил о смерти ближнего и о полученных на складе двух плитках шоколада.

Знакомство наше произошло не сразу — во время третьего или четвертого моего посещения Мясокомбината. В ту ночь он, как всегда, маленький, сутулый, сидел в своем углу и крутил кому-то, что если через час не придут положенное количество «семячек» и «огурцов», то четырнадцатый сам пойдет ко второму и тогда шестому не споровать, а заодно и одиннадцатому. Когда он прекратил свои угрозы, я попросил его соединить меня с одной из рот. Он соединил, передал мне трубку, а сам уткнулся в книгу.

Писатель пишет, а ты читаешь и должен верить ему. И веришь. А тут знаешь, что он все придумал, и тоже веришь. Разве можно так, товарищ лейтенант?

Я пытался доказывать, что можно и даже нужно, но он только пожимал плечами и, чтоб поставить точку в нашем споре (он вообще не любил спор, считая, очевидно, что чем-то обижает меня, не соглашаясь со мной), стал вызывать кого-то в трубку.

— Какое парнишку? — Да того, с первого батальона, что книжки читал... С полчаска как в медсанбате потащили... В медсанбате (он был в десятке минут ходу от нас) я застал Лёшку приговоренным для эвакуации на левый берег. Ранен он был не тяжело, в руку и ногу осколками, но потерял очень много крови, пока дошел до КП батальона (он уже шел домой последней жертвой), и требовало переливание крови, возможно только в госпитальных условиях.

Экспонаты из Голонду

Я кончил разговаривать. Он попросил закутить. Долго скручивал цигарку, глядя сочувственными глазами на коптящие пламя пальцы, потом сказал: Пацан ведь, совсем пацан... А туда же, со взрослыми...

Мне очень нравились в Лёшке его независимость, его желание иметь и отстаивать свой собственный взгляд на вещи, его сомнения, которые не всегда могли развеять даже такие авторитеты, как Курпин или Толстой. — о себе я уже не говорю. И всегда ему нужно было точно знать, для чего написан тот или иной рассказ, — он был чуть-чуть моралистом. И в то же время он, чисто по-детски эмоционально и непосредственно, переживал все, преподносимое ему книгами. Когда он прочитал «Попрыгунью», он долго не мог прийти в себя. По-моему, он даже всплакнул немного. Это, правда, не помешало ему тут же поехать на Чехов — почему он так много места уделил «попрыгунье» и так мало такому хорошему, такому умному, такому замечательному Димову. Ну хоть бы сказал, над чем он работал...

Существует мнение, что кража книг не является кражей. Я эту точку зрения не разделяю. На мой взгляд, кража остается кражей, что бы ни украл — серебряные ложки, бриллианты или книгу. Во всех случаях — это преступление. И все-таки Хемингуэй украл. Украл в штабе армии. Был там один ПНШ — очень начитанный, очкастый, длинноносый майор, в прошлом декан какого-то института, великий книжник. Когда я приходил в штаб по своим саперно-инженерным делам, он обязательно заводил со мной какую-нибудь «интеллектуальную» беседу о литературе, шахматах или Художественном театре. В однообразии обычных, остерегающихся уже разговоров о минных полях, лопатах, карно-мотыгах или о том, какой из них лучше, он вдруг поворачивался ко мне и говорил: «Богородице, выносил какую-то слезную струю. Но все горе было в том, что майор в своих суждениях был так банален, так любил повторять чужие слова, что под конец мне он просто надоел со своим вечным «А! Друг мой, зодчий бога Марса» и нудными рассуждениями о музах, молчалицах, когда грохочет пушка. Возможно, именно поэтому я и украл у него Хемингуэя. Майор куда-то вышел на минутку, я посмотрел на книгу, которой он только что хвастался («Всю войну с собой вожу, люблю в свободную от исполнения воинского долга минуту перечитать тот или другой рассказик. Большой, очень большой и своеобразный мастер»), — сунул ее за пазуху и ушел. И бог его знает, почему, но ни тогда, ни сейчас никаких угрызений совести не испытывал и не испытываю.

— Какое парнишку? — Да того, с первого батальона, что книжки читал... С полчаска как в медсанбате потащили... В медсанбате (он был в десятке минут ходу от нас) я застал Лёшку приговоренным для эвакуации на левый берег. Ранен он был не тяжело, в руку и ногу осколками, но потерял очень много крови, пока дошел до КП батальона (он уже шел домой последней жертвой), и требовало переливание крови, возможно только в госпитальных условиях.

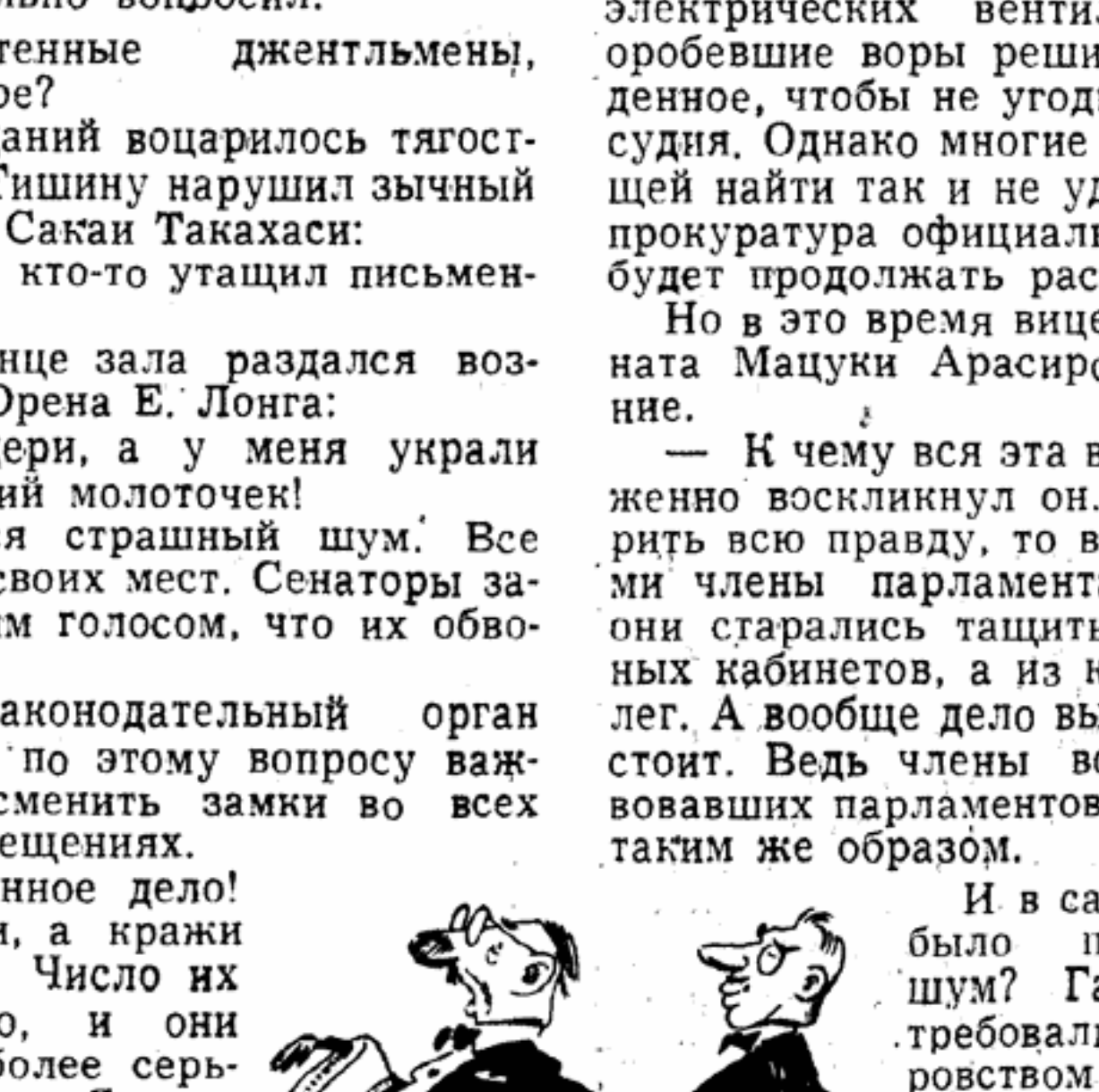

Рис. И. Оффенгенда

Эрнст Хемингуэй за работой

НЕ ПОМНЮ точно, когда, кажется, в декабре, нас перемещали в северные скаты Мамаева кургана. Все мы повзрели — пришлось расставаться с привычными, знакомыми участками обжитых землянок. А Лёшке к тому же пришлось расстаться и со своей «библиотекой». У него действительно была такая — в прошлом, очевидно, клубная, а сейчас никому не нужная, разбомбленная, заваленная кирпичом. Вот туда он и бежал, благо это было совсем рядом и с необстреливаемой стороны. Особой системой его чтение не отличалось. Читал все, что попадалось под руку. Толстой, Чехов (к сожалению, он нашел только один том), Александр Беляев, «Первый удар» Шпанова, какие-то старые журналы с обворванными обложками, а однажды его застал за чтением Метерлинка, которого он хотел и прочел, но не очень одобрил, — впрочем, — он вообще не любил пьес. Делал ли он различие в том, что читал? Да, делал. Больше всего он любил трогательное и жалостливое «что за сердце цыпало». Любил про детей, про животных (пожалуй, больше всего на прочитанного его пошла «Муму»), не любил про любовь, про войну. К моему величайшему изумлению, более чем холодно отнесся к Жюль Верну, которым мы в свое время все так увлекались. Кстати, до войны, вернее, до Сталинграда, он почти, чтоб не сказать совсем, не читал. Родился и жил в деревне, недалеко от Саратова, кончил шесть классов...

Часа в два ночи я ушел. Была на редкость тихая, морозная, очень звездная ночь. Немец почти не стрелял, освещал только передний край рaketами, и домой, на берег, я возвращался спокойно шагом, ни разу не прервав. И шагая по истерзанной снарядными и

ЖИВ ЛИ Лёшка? Хочется верить, что да. И что по-прежнему много читает. И тот томик прочел — тогда, в госпитале, или позже, после войны. Не думаю, чтоб Хемингуэй стал его любимым писателем, слишком много он любил Иполито. Он сказал о нем: «Пусть кто-то ставит на Франко, или Муссолини, или Гитлера. Я ставлю на Иполито». И на Лёшку — хочется добавить мне. Читает ли Хемингуэй «Литературную газету»? Вряд ли. Вероятнее всего, она вообще не добирается до Кубы. Но если, пацан чайника, рассказ тот подаст ему на глаза, я буду очень рад. Думаю, что и ему он доставит несколько минут удовольствия, тем более, что ничего в этом рассказе не выдуманно.